

В ЛЕГИТИМНОМ ДИСКУРСЕ

любимого человека". Далее приводится пространный рассказ Марии о том, что во всех негативных сторонах деятельности "Белого братства" виноват был ее бывший "сократник" Юрий Кривоногов: "Мне Кривоногов денег не давал... Даже шубу, которую мне передала мама, Юрий убедил меня отдать организации. Я проповедовала зимой на улице в тонкой сутане... Несколько раз он даже меня побил".

Даже если женщины выступают в роли агрессоров, убийц, тон заметки остается достаточно сочувственным по отношению к ним, случившееся предстает как "объективная трагедия", в которой никто конкретно не виноват. Вот как, например, освещается в Известиях-97 судебный процесс над российской эмигранткой, убившей бывшего мужа (материал "Суд сказал "виновна"): "49-летняя Рита Глузман

признала виновной в убийстве и расчленении тела своего мужа, 46-летнего Якова Глузмана. За 27 лет совместной жизни Рита и Яков преодолели многие испытания - преследования советских властей, насилиственное разлучение, сумев в конце 70-х годов получить долгожданное политическое убежище на Западе. Но семейного счастья, увы, так и не наступило. Супруги стали жить раздельно, и Яков подал заявление о расторжении брака, надеясь жениться на другой женщине. Однако Рита не пожелала смириться с этим". Вот еще более выразительный пример: "Первая женщина-киллер доярка Марина осуждена на 7 лет несвободы за исполнение заказа: уж очень было жаль соседку, которая мытарилась со своим непутевым мужем. Он был судим, издавался над женой и ее престарелой матерью". Таким образом, Марина предстает чуть ли не защитником справедливости.

В то же время, чаще всего женщина описывается как беспомощная жертва, не способная защитить себя от мужской жестокости или насилия: "Муж бросил ослепшую Валентину Михайловну с двухлетним сыном на руках"; "Жена Саддама Хуссейна под домашним арестом без видимых причин". Иногда эта тема решается патетически (в материале "Ангела задушили" - об убитой девочке, "Маленькой Мисс Америке"-96, говорится так: "Джин Бенай была не просто поразительно красивой, но и излучала какой-то благостный свет" - здесь, в связи с чудовищностью преступления - похищения и убийства ребенка, жертва принимает образ ангела, мученицы, сакральной жертвы. Но репертуар враждебных действий, осуществляемых мужчинами по отношению к женщинам, конечно, не ограничивается прямым насилием: упоминается и вывоз девушек заграницу с целью занятия их проституцией, и просто хамские выходки в адрес журналистки.

Образ женщины как жертвы безусловно преобладает на страницах "Известий-97".

Четко прослеживается тенденция рассматривать отношения между полами как преимущественно конфронтационные. Нападающей на женщин стороной может быть и государство (например, "Российское государство убило учительницу Павлову", но эта линия в "Известиях" не является доминирующей, в отличие от "Советской России").

В качестве "положительных героинь" Известий-97 присутствуют прежде всего яркие женщины, масштабные личности, часто имеющие отношение к творчеству - художница Татьяна Назаренко, певица Алла Пугачева и т.п. Речь здесь, конечно, идет не о подборе персонажей, а о тональности дискурса - вот, как, например, описывается одна из героинь этого ряда: "Царственные жесты, зажигательная речь, характер харизматический. Такова Беназир Бхутто, первая в мусульманском мире женщина-премьер, названная в прошлом году одной из самых влиятельных фигур современности. Беназир пережила казнь отца, смерть братьев (каждый раз при таинственных обстоятельствах), тюрьму, ссылку, дважды отставку. Сейчас ее муж в тюрьме. Но "железная леди" не сдается".

Другая категория положительных героинь связана с традиционными образами женственности: верная подруга, ждущая своего мужа; ухаживающая за больным возлюбленным; самоотверженная, образцовая мать; умелая домохозяйка. Но такие персонажи встречаются реже.

Интересно, что на страницах "Известий-97" практически нет описания женщины как сексуального объекта, с акцентуацией на внешней привлекательности и сексапильности - лишь мимолетные характеристики скорее романтического характера - например, "легкомысленная бабочка, пылкая и свободная" - но и они единичны.

Базовый отрицательный женский персонаж является аналогом отрицательного мужского - он встречается в тех публикациях, где женщины предстают носителями агрессии и насилия. Однако, как было отмечено выше, о женщинах-убийцах газета пишет скорее с прискорбием, чем с гневным осуждением. Другой отрицательный образ - достаточно редкий в "Известиях"-97 - связан с женщиными излишне откровенными, бесактными, "трясящими грязным бельем" - речь идет об участницах одной из телепередач. Но наиболее резкую критику в "Известиях"-97 вызывают женщины, которых можно определить как "облеченные властью скандалисток", например, "бесцеремонно действующая супруга Собчака г-жа Нарусова", чье поведение описывается как крик, оскорблений, мелкое хулиганство". Если сравнить галерею женских образов "Известий"-97 и "Известий"-84, то отрицательные героини остаются примерно одинаковыми: активными скандалистками. Положительные же претерпевают определенную эволюцию: если в газете советских времен позитивные и негативные образы примерно соответствуют классической дилеме "Мадонна - шлюха", то в новой газете положительная героиня все же больше похожа на свободную, творческую личность, чем на "лапочку" или революционерку.

Проститутки описываются не как отрицательные героини, но вполне нейтральным тоном, никакого осуждения по их поводу в позиции газеты не прослеживается (материал "Секс в Омске есть": "Большинство опрошенных омичей высказывается за открытие в городе публичных домов. Причем половина указывает, что они должны быть в каждом районе. Найти проститутку не так просто. Полгода назад бульварные газеты под давлением властей перестали публиковать объявления девушек по телефону... Захмелевшие богатеи готовы отдать за заветный телефон любые деньги". С одной стороны, конец заметки вроде бы содержит некоторую неприязненную ironию, но вряд ли большинство опрошенных омичей представляет из себя "захмелевших богачей").

В "Известиях"-97 существует также некоторое количество материалов, посвященных различным женским проблемам - например, женской занятости, здоровью, новым репродуктивным технологиям. Эти проблемы газета пытается рассматривать с позиций защиты интересов женщин. Так, положение суррогатной матери описывается как драма, на которую женщину могут толкать крайние обстоятельства: "Родить и расстаться": За 6200 фунтов Нина из Питера готова отдать ребенка иностранцам. Ниже всего 19. Она ищет богатую бездетную семью, чтобы стать для нее суррогатной матерью. "Я не представляю, что значит родить крошку, а потом расстаться с ней навсегда. Это будет тяжело. Но то, что ты не будешь ее видеть, наверно, смягчит боль разлуки". Женя, 29 лет, уже отдала своего мальчика чужим людям. "Я чувствовала себя опустошенной, но что делать? Я была техником на фабрике и потеряла работу. А у нас двое детей. Женя говорит, что очевидно, ей еще раз придется рожать по заказу".

Что касается мужских персонажей, то они, как и женские, представляют собой как бы галерею положительных и отрицательных героев. Но у мужчин в варианте "Известий-97" эта галерея имеет значительную протяженность в отрицательную сторону - 60% материалов, которые так или иначе связаны с героями-мужчинами, описывают их преимущественно "черной краской". В качестве характеристик отрицательных персонажей фигурируют обычно мат, пьянство, хулиганство. В то же время, наибольее радикальные преступники, убийцы, тоже, как правило, оказываются жертвами - социального окружения, родителей, тяжелого детства и т.д. И главным источником "виктимизации" будущего убийцы и насильника часто выступает женщина: плохая мать, неверная подруга и т.п. (например, из материала про маньяка-убийцу: "Первое желание попробовать девочку" зародилось у него после первой брачной ночи: жена оказалась не девственницей. Чуть ли не каждый из подследственных маньяков помнил в деталях все свои незаслуженные обиды, иной раз из глубокого детства. Уродливо понимаемое, гипертрофированное чувство справедливости на фоне сексуальных разочарований перерастало у кого раньше, у кого позже в чудовищный подознательный комплекс мести).

Реже, но встречаются в "Известиях-97" отрицательные герои принципиально другого типа: социально благополучные, но черствые и бездушные: "Работа с утра до ночи, презентации и ужини, хорошие деньги, обеспечивающие семью безбедным быт. Спорт, бассейн, молчаливые свидания с сыном по выходным. Любит сына безустанно, не побоялся психически ранить".

Наиболее же положительные "маскулинные герои" обычно бывают уже погибшими, обреченными, смертниками или жертвующими собой с готовностью погибнуть. При этом они - не обязательно обладают безупречным "моральным обликом", могут иметь некоторые черты брутальности: тоже пить водку, например, быть вспыльчивыми, вступать в конфликты. Но главное здесь - потенциальная готовность к смерти, и многие из них уже умерли.

Много публикаций на темы домашнего насилия и других вариантов конфронтации между полами, затем идут любовь, ревность, светская хроника (представленная в основном эпизодами из жизни царствующих особ). Единичны упоминания о "нормальной семейной жизни".

В целом, однако, гендерный дискурс "Известий-97", хотя и сочувственный по отношению к женщинам, носит отчетливо "мужской" характер. И иногда тон симпатии к младшей, и не очень притом удачливой, сестре сбивается на откровенно прагматичный и отстраненный (напр., материал "Украинцы будут зимовать в Антарктиде вместе с женщинами": "Решение украинского Центра антарктических исследований взять на зимовку четырех дам произвело нешуточный фурор. Прежде считалось, что женщинам на полюсе не место, за долгую антарктическую ночь они успеют не только деморализовать коллег мужского пола, но и полностью отвлечут их от исполнения стратегических научных задач... Женщин взяли на зимовку лишь потому, что не удалось отыскать метеорологов-мужчин, здоровых настолько, чтобы выдержать антарктические холода. Женщины же много не требуют - лишь бы взяли в Антарктиду"). Газета отдает свою дань и гендерным стереотипам, т.е. в данном случае расхожим устойчивым речевым штампам, отражающим шаблонные представления о женщинах и женственности. Например: "Когда речь идет о женщинах, то не принято уточнять юбилейную дату. Но Нина Афанасьевна, мудрая и откровенная женщина, никогда не считала нужным скрывать свой возраст". Интересным примером стереотипизации реальности может также служить рецензия на фильм Киры Муратовой "Три истории". Автор рецензии (мужчина) сначала с изумлением вопрошает: "Неужели всю эту фантастическую фантасмагорию смогла извять такая хрупкая и кроткая женщина?" (речь идет о самой Кире Муратовой). Когда же речь заходит о другом авторе фильма, сценаристке Ренате Литвиновой, то автор прибегает уже к другому стереотипу, "демоническому": "Отправить своих любимых героев в морг - любимое занятие этой красивой и жестокой женщины". Здесь, по-видимому, еще происходит и частичное отождествление сценаристки и актрисы с сыгранным ей в фильме персонажем. Так фильм описывается как, с одной стороны, "женская ипостась зла", а с другой стороны, как "неподобающее женщины зло".

Таким образом, в целом гендерный дискурс современных "Известий" выглядит как описание поля битвы, где неизменно проигрывают женщины, но и порядочным мужчинам приходится нелегко.

(продолжение следует)